
Илья ОГАНДЖАНОВ

ДВА РАССКАЗА*

ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ

Странная штука — жизнь. Никогда не угадаешь, что в ней окажется главным, подлинным, что и почему, каким чудом удержится, сохранится в памяти, а что бесследно сотрется, забудется навсегда, словно и не бывало.

...По пути к моему детскому саду стоял старый двухэтажный деревянный дом барачного типа, будто устало присевший у тротуара. Занавешенные тюлем окна, на подоконниках — горшки с цветами. Там жили какие-то люди и наверняка мечтали поскорее перебраться в комфортабельные квартиры со всеми удобствами. Но сам дом и его обитатели мало меня интересовали. Мое воображение занимала похожая на курятник дощатая пристройка на втором этаже с торца. Туда вела шаткая деревянная лестница с невысокими перилами. Под покосившейся шиферной крышей криво висела вывеска с кудряво выведенными масляной краской разноцветными буквами: «ПЛИССЕ, ГОФРЕ». Что скрывалось за этими неизвестными мне словами? Имена двух вельможных сеньоров, запутанными обстоятельствами занесенных в наш городок? А может, это два брата, два несчастных сироты, бежавших от коварных опекунов и поселившихся в этом жалком жилище? Или два авантюриста, два искателя приключений, два бесстрашных дуэлянта и сердцееда? В этот курятник с тускло светящимся окошком часто поднимались женщины, придерживая края длинных юбок, и в их взглядах из-под русых, каштановых, рыжих челок сквозила непонятная мне безысходная тоска... Бог знает чего только не насочинял я, пока мне наконец не открылся текстильно-трикотажный смысл этих слов! Всех фантазий и не упомнить. Но почему и сегодня, стоит лишь прошептать «плиссе, гофре», так сжимается сердце? Старый дом с ветхой пристройкой давно разрушили. На его месте возвышается теперь панельная шестнадцатиэтажка. И бывшие его обитатели, должно быть, очень рады, что переехали.

...Когда я пойду в первый класс, дедушка обещал подарить мне свою готовальню — плоскую коробочку, обтянутую потертой коричневой кожей, с хитроумными выдвижными застежками по бокам. Дедушка показал мне ее и убрал в ящик письменного стола со словами: «Всему свое время». Я, конечно, в тот же день добрался до готовальни и, порядком повозившись с застежками, открыл ее. На черном вытертом бархате, холодно поблескивая, лежали инструменты. Мне был знаком только длинноногий циркуль с жуткой острой иглой, я видел его на картинке в какой-то книжке, он вычерчивал невыносимо правильные круги. Назначение и название остальных инструментов было неизвестно. Я осторожно брал их и разглядывал, пытаюсь представить,

Илья Александрович Оганджанов родился в 1971 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Московский государственный лингвистический университет, Международный славянский университет. Автор книг стихов «Вполголоса», «Тропинка в облаках». Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Урал», «Сибирские огни», «Крещатик» и др. Живет в Москве.

* Из романа «Человек ФИО».

для чего бы они могли служить. И с не меньшей осторожностью помещал обратно, в специальные выемки, повторявшие форму каждого инструмента. От дедушки я слышал, что здесь хранится некий рейсфедер. В молодости дедушка чертил им что-то крайне важное, от чего зависели жизни многих людей. Я старался угадать, какая же из этих мудреных штуквин носит пышное имя «рейсфедер». Это, наверно, наиглавнейший инструмент, и с его помощью можно проникнуть в неведомые глубины мироздания и спасти сотни тысяч жизней. Я часами просиживал над открытой готовальней. Мне казалось, что рейсфедер и остальные инструменты, обладавшие, по моему убеждению, магической силой, откроют мне двери в волшебный мир науки, где разрешаются последние, роковые вопросы. Дедушка, несомненно, знал о моих секретных изысканиях, но вида не подавал. Надеялся, что я стану хорошим инженером и принесу немало пользы людям. Увы, первым предметом, который я бесславно завалил на сессии, было черчение. Вскоре я бросил институт.

...У отца был дипломат. Черный, кожаный, с блестящими хромированными защелками и кодовым замком. Подарок старого институтского товарища. Товарищ был за границей и купил себе новый, а этот, местами поцарапанный, с потертыми углами и обмотанной синей изолентой ручкой, отдал отцу. Отец носил его с какой-то угрюмой гордостью. Внутри не было никаких ценных документов: несколько газет, купленных в киоске Союзпечати, сделанные мамой бутерброды, пара пишущих ручек и запасная пачка сигарет. Я втайне мечтал о таком дипломате и с замиранием сердца крутил колесики кодового замка. Отец потом ужасно ругал меня, потому что постоянно забывал цифры кода. В первых классах школы у меня был ранец. Страшно тяжелый и неудобный. Он за все цеплялся и тянул меня книзу. Потом — спортивная сумка через плечо, у нее периодически отрывался ремень, и приходилось ходить в «Ремонт обуви» пришивать. А когда отца не стало и прошло время после похорон и поминок, мама мне сказала: «У тебя сумка совсем порвалась. Возьми его дипломат, чего он будет пылиться. И покупать ничего не надо». Дипломат долго еще хранил какой-то свой особый запах: кожи, газет, табака. Сейчас все необходимое я ношу в карманах. Это не очень удобно, и набитые карманы некрасиво оттопыриваются. Но ничего, я привык.

...Зимний вечер. Сумрачная провинциальная улочка, слабо освещенная горбатым фонарем. Ряд одноэтажных деревянных домишек. Тишина. И в тишине — хрусткий скрип моих шагов. Я куда-то иду, кажется, к своей машине. В изукрашенных морозом окнах горит свет. Они плотно занавешены, и сколько я ни заглядываю в них — просто так, из праздного любопытства, — увидеть ничего не удастся. Но вот одно незашторенное. Просторная светлая комната. Покрытый клетчатым пледом диван у стены. На стене — красный узорчатый ковер и картина: зеленый лесок, пшеничное поле, убегающая вдаль дорога. Телевизор на тумбочке. В углу — стол, покрытый кружевной салфеткой, приставленные к нему два стула. Рядом застекленный сервант с чайным сервизом в цветочек. Девушка вытирает на серванте пыль. Она в ситцевом платье с открытыми рукавами, босая, волосы стянуты на затылке резинкой, одна прядь выбилась и вьется колечками. Она легко и быстро ступает по комнате. Ставит на середину стул, чтобы протереть плафоны на люстре в пять рожков. Приподнимается на цыпочках, и платье слегка задирается, открывая ее крепкие голые икры, похожие на перевернутые кегли. Закончив с люстрой, она подходит к окну и задергивает шторы, не заметив меня в загустевшей темноте. Я не успеваю толком разглядеть ее лицо, что-то простое и миловидное. За шторами еще секунду виден ее смутный силуэт. Я предположил, что это моя девушка и что она ждет меня домой с работы, на плите готовится ужин, и после ужина мы будем пить чай из чашек в цветочек, а потом сидеть на диване в обнимку и смотреть телевизор. Я еще постоял немного и побрел к машине, уже вполне трезво размышляя, что бы я делал в этом городишке, останься я с этой девушкой?

Наверняка она бы мне скоро наскучила, и я безжалостно бросил бы ее, постыдно бежав. Сколько лет миновало с тех пор? И что, собственно, осталось в памяти? Какой-то городок, в который меня непонятно как занесло, неприметная улочка, дом, окно, чужая комната, незнакомая девушка. Вот, пожалуй, и все. Но почему-то этот мимолетный случай неизгладимо живет в душе как воспоминание о навеки утраченном несбыточном счастье...

Одна моя старинная знакомая укоряет меня, что я вечно витаю в облаках и пора бы мне спуститься с небес на землю. Странно: но ведь все, о чем я говорю, случилось со мной именно здесь, на Земле.

ТЕОРИЯ ВЗРЫВА

Его отчество я узнал на похоронах.

Могильщики, пыхтя и отдуваясь, опустили гроб в прямоугольную яму. Обитый кумачом, окантованный черными складчатыми рюшами, он угрожающе покачивался на перетертых веревках и, накренясь, скрежетал бортами о неровные осыпающиеся стенки. В напряженной тишине раздавались одинокие захлебывающиеся женские рыдания.

— Родные и близкие, бросьте по три горсти земли, — нарушил тягостное молчание один из могильщиков, высокий сутулый здоровяк с опухшей мордой. Он, видно, был у них за старшего.

Комья рыжей сырой глины глухо застучали о крышку гроба. Могильщики, энергично орудуя лопатами, закидали яму, насыпали невысокий холм, положили на него венки с траурными лентами — «от любящего сына», «от любящей жены» — и воткнули в изголовье железную табличку с позолоченными буквами. На ней-то я и прочел его отчество: Осипов Евгений Ильич. А при жизни все дядя Женя да дядя Женя...

Старший могильщик вырос за спиной Игоря и гнусаво забасил:

— Могилку, слава те Господи, справили ладную. Место сухое, и березка рядом. Так что отцу лежать будет покойно, вольготно.

Игорь, поддерживая мать, мелко, беззвучно вздрагивающую всем своим жалким обмякшим телом, повернул голову и посмотрел на него полными слез непонимающими глазами.

— Ну это, в общем, надо бы, как положено, помянуть...

К ним быстро подошла жена Игоря, острые каблуки ее замшевых сапог проваливались в мягкую землю, будто она прихрамывала или пританцовывала. Она протянула старшему деньги:

— Достаточно?

— Спасибо, хозяйка. Светлая память.

Игорь был моим близким другом. Так же, как и я, очутился в математической школе совершенно случайно, по фантазии родителей, что их чадо должно прочно стоять на ногах, а точные науки — это всегда надежный кусок хлеба. Он прилично рисовал и мечтал стать художником. Дядя Женя скрепя сердце терпел его увлечение, но выбора «подобного жизненного пути» не одобрял: «Художества ваши — это все миражи, иллюзорность, неразумная трата бесценного времени. Мужчина обязан заниматься реальным делом — преобразовывать мир». Мы давно не виделись. Я поступил в Москве в Бауманский, потом бросил, уехал... Игорь разыскал меня через моего брата.

С кладбища возвращались по центральной аллее. Тетю Олю, маму Игоря, вели под руки две какие-то родственницы в серых пальто и черных платках, похожие на ученых

ворон. Под ногами хрипло шуршали опавшие листья. Полуденное солнце широкими полосами пробивалось сквозь облетающие кроны вековых лип, и по земле тянулись их бесконечно длинные раскидистые скорбные тени. В стылом воздухе пахло осенней прелью. Влево от аллеи убегала неприметная тропинка, где-то там, в конце ее, была могила моего отца.

У выхода нас дождался старенький тряский автобус. Он ворчливо тархтел, угрожающе ревел и дымил на поворотах. В салоне пахло бензином и табаком, пожилой плотный водитель курил одну за одной. В морге водитель суетливо помогал с выносом гроба и навязчивой скороговоркой давал практические советы — кому, за что и сколько, заученно твердя, что сам недавно жену схоронил.

Обратно ехали, несмело переговариваясь, сначала полупшепотом, затем все громче, почти в полный голос. На задней площадке, где недавно стоял гроб, валялось несколько стрелчатых белых лепестков хризантемы. Туда старались не смотреть.

Дома у Игоря почти ничего не изменилось. Советская мебель, выцветшие пожелтевшие обои в ромбик, стеллажи с книгами. Только зеркала были занавешены черным тюлем и пахло лекарствами. Родственницы сделали тете Оле успокоительный укол и уложили на диван в бывшей комнате Игоря, он несколько лет назад переехал к жене, в просторную квартиру в новом микрорайоне.

Поминальный стол был накрыт. Празднично белела накрахмаленная скатерть, и лучисто искрились хрустальные бокалы. Я сел рядом с Игорем и его женой. Напротив — двое товарищей дяди Жени. Один лысеющий, с морщинистым испитым лицом и живым хитроватым взглядом и второй с густой седой шевелюрой и неряшливой бородой. Родственницы, оказавшиеся сестрами тети Оли, суетились по хозяйству.

Принесли кутью и блины. Выпили за упокой. Зазвенели тарелки, вилки, ножи. Все проголодались и ели с аппетитом.

Снова выпили: «Царствие небесное, земля ему пухом». И стали вспоминать, какой замечательный человек был дядя Женя, как переживал, что закрыли их институт, как мыкался без работы и чудом устроился охранником на заводской склад. Из-за переживаний этих, наверно, и заболел.

Игорь все подливал себе водки и одним кивком опрокидывал рюмку в рот.

— Может, хватит, Игорек? Тебе завтра на работу, — ласково, но твердо сказала его жена.

— Хотя бы сегодня оставь меня в покое.

— Прости. Но я с таким трудом устроила тебя. А вообще, как знаешь... — Она откинула со лба завиток крашенных медных волос и дробно забарабанила по столу острыми ноготками.

Я повернулся к Игорю:

— Ты где сейчас работаешь?

— Да ерунда, верстальщиком в местной газетенке.

Он налил себе и выпил.

На стене, за спинами дяди-Жениных товарищей, висели любовно помещенные в самодельные деревянные рамки юношеские рисунки Игоря: вислоухий щенок, преданно глядящий на вас грустными умными глазами, пара волнистых попугайчиков-неразлучников на жердочке в распахнутой клетке, покосившийся дачный домик в заглохшем осеннем саду и нежная девичья головка вполоборота, вся словно окутанная туманной кисеей, его первая любовь.

— А помнишь, как по Вычегде ходили? — обратился бородач к своему лысоватому морщинистому соседу.

— Конечно. Мы тогда ничего не поймали, и Женька вытащил из рюкзака пачку тротила и говорит: «Будем удить по науке».

Седые кустистые усы бородача шевельнулись, пряча улыбку:

— По части взрывотехники он большой был мастер, без сопливых. На полигоне генерал ему из укрытия кричит: «Ложись!» А он стоит, стеклышки очков платочком трет и спокойно так отвечает: «Не дрейфьте, коллега, взрывная волна пойдет в сторону леса и повалит вон ту сосенку. Опасаться нечего. Все рассчитано. Это же направленный взрыв».

— Сколько он возился с этим направленным взрывом! Диссертацию планировал писать. Потом перестройка, Союз грохнулся, и тему закрыли, а вскоре и сам институт расформировали... — Морщины на испитом лице пришли в движение. — Я-то раньше уволился, магазинчик открыл, звал его к себе, но он же гордый, отказался.

— Ничего не скажешь, увлеченный был, исследователь от Бога. Последний раз, когда сидели у него в каптерке, ночью, за рюмкой чая, он мне свою новую теорию расписывал. «Понимаешь, старик, если теория Большого взрыва верна, то что нам мешает его повторить и пересоздать вселенную или на худой конец нашу галактику? Один мощный, грамотно рассчитанный направленный взрыв — и появится целый новый мир, новое Солнце, новая Земля, и там можно будет построить все по-новому, по справедливости, без нашей мерзости, подлости и вранья. Отрясем прах с наших ног и переселимся, а?» До последнего какие-то вычисления делал, носился с этой идеей, как дитя.

Игорь слушал их внимательно, с горестным удивлением, подперев кулаком отяжелевшую голову.

На другом конце стола две родственницы, похожие на ворон, запели высокими молодыми голосами:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.

Разговоры смолкли и потонули в их заунывном пении.

Я взял у Игоря сигарету и вышел на балкон. Во рту неприятно загорчило от давно забытого вкуса табака. Я вспомнил, как отец вот так же, опершись о перила, курил, глубоко затягиваясь и стряхивая указательным пальцем столбики пепла, и пристально всматривался в бездонное синее небо. Ветер трепал его непослушные волосы и уносил ввысь рваную седую струйку дыма. О чем он думал в те минуты? И думал ли о чем-нибудь?